

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в.

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В калмыцком фольклоре жанры йоряла-благопожелания и харала-проклятия относятся к магической поэзии, имеющей обрядовую и коммуникативную функцию. Второй жанр менее исследован по сравнению с первым жанром, поскольку информанты избегали воспроизводить харал, опасаясь его негативного воздействия, поэтому его зафиксированных записей сохранилось меньше, чем записей благопожеланий. Это повлияло и на возникновение авторского харала в калмыцкой поэзии XX в., на его периферийное положение в жанровой системе калмыцкой лирики, малочисленность обращения поэтов к данной традиции. В статье рассматривается жанр *харал* в поэзии Мукебюна Басангова (1878–1944) и Боси Сангаджиевой (1921–2001). *Актуальность работы* определена неизученностью авторского жанра *харал* в калмыцкой лирике прошлого столетия. *Целью* статьи является исследование трех текстов указанных поэтов в аспекте фольклорной традиции. *Материалами исследования* стали труды калмыцких фольклористов, этнографов и историков. *Источники для изучения* — одно стихотворение Мукебюна Басангова и два стихотворения Боси Сангаджиевой под одноименным названием «Харал» («Проклятие»), созданные на родном языке в разные годы (1942 г. и 1966, 1991 гг.), в том числе текст Б. Сангаджиевой в нашем художественном переводе. Основными методами, использованными в статье, являются историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, метод описательной поэтики, количественный. *Хронологические рамки* исследования проецируются на 1940-е, 1960-е и 1990-е гг. *Результаты.* В ходе исследования, во-первых, выявлена связь «Харала» (1942) М. Басангова со временем его создания (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.), определившим его тематику и проблематику, фольклорные элементы, во-вторых, сопоставлены два текста Б. Сангаджиевой «Харал» (1966 и 1991 гг.) в этнокультурном ракурсе и аксиологической направленности, в-третьих, показано влияние фольклорного жанра на создание авторского аналога, в-четвертых, синтез жанров йоряла и харала наблюдаем в сатире Х. Сян-Белгина «Йөрэл харалин дамбрлт» («Сатира на йорялы и проклятия», 1929). *Выводы.* В калмыцкой поэзии жанр *харал* не получил своего развития, остался в границах XX в. на периферии жанровой системы, скорее всего, из-за специфики фольклорного источника. Локальное обращение калмыцких поэтов

к этому жанру свидетельствует о сохранении традиции — уклонение от негативного влияния вербального компонента магической поэзии предков, следование постулатам аксиологии и народной педагогики.

Ключевые слова: калмыцкая поэзия XX века, фольклор, йорял, харал, история, трансформация, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

The Genre of Kharal in 20th-Century Kalmyk Poetry

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Abstract. *Introduction.* In Kalmyk folklore, the genres of *yöräl* (well-wishing) and *kharal* (curse) cluster with magic poetry characterized by ritual and communicative functions. The latter genre remains understudied since informants had avoided uttering such narratives fearing their negative impacts, therefore the available records of *kharals* are much fewer than those containing *yöräls*. This affected essentials of *kharals* authored by 20th-century Kalmyk poets, including the former's peripheral position in the genre system of Kalmyk lyrics and a small number of such poetic examples. The article discusses the genre of *kharal* in works by Mukebyun Basangov (1878–1944) and Bosya Sangadzhieva (1921–2001). *Goals.* The article seeks to examine three texts of the mentioned poets in the aspect of the folklore tradition. *Materials and methods.* The paper studies works of Kalmyk folklorists, ethnographers and historians. The to be investigated sources are one poem by Mukebyun Basangov and two poems by Bosya Sangadzhieva — the three titled 'Kharal' ('Curse') — created in Kalmyk in different years (1942 and 1966, 1991), including R. Khaninova's artistic translation of B. Sangadzhieva's text. The key research methods used are the historical/literary, historical/functional, comparative, quantitative ones, and that of descriptive poetics. *Results.* The study, firstly, reveals a connection between M. Basangov's *Kharal* (1942) and the time of its creation (Great Patriotic War of 1941–1945) which determined its topic and problems raised, folk elements; secondly, two texts by B. Sangadzhieva are compared in ethnocultural and axiological perspectives; thirdly, it shows impacts of the folklore genre on poetic analogues; and finally, the work stresses a synthesis of *yöräl* and *kharal* genres observed in Kh. Syan-Belgin's *Satire on Yöräl and Kharal* (1929). *Conclusions.* In Kalmyk poetry, the genre of *kharal* remained somewhat undeveloped only to stay in a periphery of the 20th-century genre system, which most likely resulted from specifics of the folklore source. So, the rare appeals of Kalmyk poets to this genre attest to the surviving tradition of avoiding negative impacts of the verbal component inherent to magic poetry of ancestors, and following the postulates of axiology and folk pedagogy.

Keywords: 20th-century Kalmyk poetry, folklore, yöräl, kharal, history, transformation, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M. The Genre of Kharal in 20th-Century Kalmyk Poetry. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 418–440. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

Введение

В фольклоре народов мира жанры благопожелания и проклятия относят к магической обрядовой поэзии, имеющей разнонаправленные векторы воздействия — от позитивного и созидательного до негативного и разрушительного — на определенный объект или явление, генетически связанные с архаическими жанрами заговоров и заклинаний [Виноградова 2005; Сагалаев, Октябрьская 1990; Михайлов 1971; Юша 2007; Алиева 2015; Очиров 2002; Борджанова 1999; Борджанова 2007; Хабунова 1998; Хабунова 2005; Сангаджиева 2003; Басангова, Манджиева 2003; Сарангов 2010; Овалов 2013; Мушаев, Хонинов 2014; и др.].

Как подчеркивает Л. Н. Виноградова, проклятие, являясь по преимуществу вербальным актом, «имеет ряд значений: 1. крайняя форма осуждения кого-либо (чего-либо), знаменующая полный разрыв, неприятие, отчуждение; 2. брань, ругательство, негодование (злоречие), направленное на кого-либо (что-либо); 3. злой рок, несчастье, преследующее человека» [Виноградова 2005: 433].

В калмыцком устном народном творчестве жанр благопожелания (калм. *йөрэл*¹), соседствуя с жанром проклятия (*харал*), превалирует, поскольку сопровождал жизнь человека на всех этапах его пути с пожеланием благополучия во всем, воспроизводился чаще и охотнее, чем его антипод (харал). Впервые в калмыцкой фольклористике обращаясь к этой теме на основе своих полевых исследований, Номто Очиров в известной статье 1909 г. сразу приводит народную мудрость: «„Благопожелания — начало блаженства и мира, а проклятия и дурные помыслы — семя несчастья и раздора“, — так гласит народная пословица, которая наилучшим образом характеризует душу этой народности, именно ту самую душу, которая, глубоко веря в силу добрых пожеланий и проклятий, придает последним большое значение в жизни человека» [Очиров 2002: 33]. По словам ученого, «харалы в обыденной жизни употребляются реже йөрэлов, а встречаются большей частью в сказках, песнях, былинах и пр. Йөрэлы, как более распространенные, имеют свою литературу: письменно-религиозную и устно-народную» [Очиров 2002: 33]. Он подчеркнул: «Хотя специально литературные образцы харалов не встречаются, но вера в их злую и враждебную силу велика» [Очиров 2002: 34].

В комментариях современного исследователя к этой статье поясняется, что Н. Очирову не удалось записать тогда харалы, которые бытовали в устной форме и редко употреблялись: «С такими же проблемами сталкиваются современные фольклористы. Информанты боятся произносить текст харала-проклятия без причины, так как до сегодняшнего дня у калмыков сохранилась вера в

¹ Исследователи обозначают этот жанр в русском написании по-разному: йорял, йорел, йорэл.

магическую силу слова» [Басангова 2002: 36–37]. Н. Очиров привел перечень случаев, когда люди обращались к гелюнгам-священникам для совершения обряда «хара келе утулган» — «отрезание черного языка», описал ритуал произнесения обряда — чтение гелюнгом молитвы «письмо черного языка», совершения определенных действий (отрезание черно-белой веревки после прочтения каждой фразы, плевок членов семьи на отрезанные куски веревки, закапывание этих остатков вместе с одеждой хозяина), так как «данный обряд — отрезание черного языка несет охранительную и очистительную функцию» [Басангова 2002: 37].

Жанр *харал* в калмыцком фольклоре до сих пор мало исследован: см. труды А. В. Бадмаева «Калмыцкая дореволюционная литература» [Бадмаев 1984], Т. Г. Борджановой (Басанговой) «Магическая поэзия калмыков» [Борджанова 1999], «Обрядовая поэзия калмыков (поэтика, жанры)» [Борджанова 2007], Н. Б. Сангаджиевой «Поэтика героического эпоса „Джангар“» [Сангаджиева 2003], В. Т. Сарангова «Фольклор калмыцкого народа» [Сарангов 2010] и др.

Калмыцкое слово «харал» имеет два значения: 1) проклятие, проклинание 2) ругательство, брань [КРС 1977: 577]. В основе слова определение *хар* («черный») передает понятие зла, беды, несчастья. Согласно фольклорной терминологии, среди разновидностей проклятия есть *хэрүтэ харал* — харалы, имеющие возвратное действие, и *хэрү уга харал* — харалы безвозвратного действия. Первая разновидность — харал, действие которого возвращается на человека, произносившего проклятие, в том случае, если харал был произнесен без особого мастерства, без эмоционального настроя и без совершения обрядовых действий, сопровождавших словесный компонент. Вторая разновидность — проклятие безвозвратного действия характеризуется тем, что соблюдается весь ритуал проклинания: мажут себе язык или мизинец черной сажеей, брызгают водой в сторону недруга, хлопают в ладони, призывая нечистую силу для усиления действия харала, текст произносится в высокой тональности, действенными считались проклятия на утренней заре [Борджанова 1999: 49–50]. Есть и другое мнение: «Калмыки особенно опасаются проклятий, произнесенных ночью» [Коммуникативное поведение 2015: 112].

Исполнителей жанров йоряля и харала в современной фольклорной традиции называют йорелчи и харалчи. К последним нередко обращались за помощью, чтобы достичь поставленной цели и избежать эффекта бумеранга — возвращение посланного проклятия. «Считается, что к проклятиям прибегать нельзя, т. к. они могут не только навредить адресату, но и вернуться к отправителю и его родственникам до седьмого колена» [Коммуникативное поведение 2015: 112]. Неслучайно сохранились былички и легенды о влиянии произнесенного проклятия на судьбу семьи и рода [Борджанова 2007: 144]. Немногие элементы харала фольклористы исследовали в эпосе «Джангар», в калмыцких сказках, легендах, преданиях, песнях.

В гендерном плане выделяли проклятия, произносимые женщинами, как наиболее эмоциональные, экспрессивные, опасные.

Фольклорный жанр проклятия определяют «устойчивые словесные формулы-пожелания несчастий и наказаний человеку, животному, растению, предметам» [Восточнославянский фольклор 1993: 291].

«Калмыки разделяют проклятия по адресатам: проклятия, предназначенные для человека, и проклятия, предназначенные для животного» [Борджанова 2007: 144]. Кроме того, бытуют журавлиное и волчье проклятия [Борджанова 1999; Борджанова 2007: 144] как ответ людям за разорение гнезда, гибель потомства или представителя семейной пары, стаи. Формульные проклятия образуют несколько тематических групп: пожелание смерти, болезней, увечья, бездетности, сиротства, одиночества, несчастья, кратковременной жизни, прекращения рода, разорения, нищеты, падежа скота и т. д.

Считается, что в основе конфликта, ссоры между людьми лежит обида (*хундл*), но, как известно, этот диапазон шире, может включать и другие эмоции человека: гнев, ненависть, месть, возмездие, страх, зависть и др. Проклятие может иметь личностный характер, а также передавать общественную, народную, групповую позицию и т. п.

Возникновение авторского харала в калмыцкой поэзии XX в. показывает его периферийное положение в жанровой системе калмыцкой лирики, малочисленность обращения поэтов к данной традиции — стихи Аксена Сусеева (Дендян Айс) [Ханинова 2022], Мукебюна Басангова, Давида Кугультинова, Боси Сангаджиевой [Сусеев А. 1967; Басанга М. 1962б; Көглтин Д. 1982; Санһжин Б. 1991а; Санһжин Б. 2008]. В данной статье рассмотрим образцы М. Басангова и Б. Сангаджиевой под названием «Харал» («Проклятие»), не ставшие объектом и предметом исследования, оставив за пределами статьи элементы харала в других жанровых образованиях калмыцкой литературы.

Стихотворение джангарчи Мукебюна Басангова «Харал» (1942)

В годы Великой Отечественной войны калмыцкими поэтами, наряду со стихотворениями-клятвами, создавались стихотворения-проклятия. Так, известный исполнитель калмыцкого героического эпоса «Джангар», поэт Мукебюн Басангов (1878–1944) написал стихотворение «Авшг» («Клятва», 1941), а затем стихотворение «Харал» («Проклятие», 1942). В «Клятве» он «двустушиями передает общенародный патриотизм, выражая готовность защитников родины подняться на борьбу с врагом — разломить ему голову, свернуть шею, сломать позвоночник, заставить замолчать, ослепить, сжечь в огне, который разожгли сами захватчики. „Кишго үмкэ ухата толһаһинь күүчий, / Күзүни һурвн нурһинь цааран һарһий. // Һэ андн күслинь үмснд хүврэй, / Һолын һурвн нурһинь на-аран һарһий. // Гингих дууһинь эрс таслуй, / Гилс гих нүдинь сохлад оркий. <...> Таслвр угаһар хортыг бидн цокий, / Тэвсн түүмртнь хэрү бийсинь шатай“» [Басанга М. 1962а: 191]. Такое детальное описание отсылает к расправе эпических богатырей с противником» [Ханинова 2020: 235–236]. Таким образом, в произведении элементы клятвы советских воинов перекликаются с элементами проклятия в адрес врага, что характерно для этого типа текстов.

Как заметила Н. Б. Сангаджиева в очерке о джангарчи, «в стихотворении „Проклятие“, созданном в жанре харала (проклятия), дается сатирическое изображение врагов, звучит их гневное обличение, произносимое от имени всего народа. <...> Следует отметить, что художественная форма стихотворений Басанга М. не всегда совершенна» [Сангаджиева 1990: 46, 47].

Текст «Харал», не разделенный на строфы, включает 74 строки. Современная поэту тема усилена фольклорной традицией. С самого начала, характеризуя противника, напавшего на советскую страну, М. Басангов традиционно сравнил фашиста с нечистью, пожелав смерти: *Хар саната шулм фашист / Хад чолу тевржэ үк* ‘Злонамеренный черт-фашист, умри под камнем-скалой’ (букв. ‘обняв камень’) [Баснга М. 1962б: 192]. Использование поэтом метафоры подтверждает, что «в основе жанра проклятий лежит метафора, иносказание, например, за лаконичной формулой „хад чолун теврэд үк“ (умри, обнимая „черную скалу“) скрывается пожелание одиночества, несчастной жизни и безвестной смерти» [Борджанова 1999: 50].

От единичного переходя к множественному, М. Басангов подчеркнул, что зло возвращается к злу, что фашисты, захотевшие разрушить его прекрасную страну, сами останутся ни с чем, все они превратятся в перегонной: *Алдр сээхн орн-нутгимдн / Эвдхэр седсн фашистнр / Эврэ бийсчнь хооср, / Хуһарн илм бол, / Хуг хомһлд хувр* [Баснга М. 1962б: 192]. Сравнение фашистов с нечистой силой дополняется фольклорным описанием у них лишнего глаза (*үлү нүдн*), черных щек (*хар халхта*), ядовитости (*хорн*), заканчивается очередным проклятием: *Хорта фашистнр / Хуһарн чилтхэ* ‘Пусть пропадут все опасные фашисты’ (букв. ‘ядовитые фашисты’) [Баснга М. 1962б: 192]. Называя фашистов безумцами с гнилыми помыслами, поэт заверяет, что враг попадет под беспощадный меч славных воинов Красной армии, обязательно погибнет: *Үмкэ седклтэ, / Андн фашистнр / Улан цергин / Алдр баатрмудин / Аврлтго меслэ харһжэ, / Оньдин үкх болг* [Баснга М. 1962б: 192].

Особое внимание в стихотворении уделяется тому, кто возглавил нападение для того, чтобы захватить чужую страну, уничтожить народ, поработить людей, — Адольфу Гитлеру. *Үмкэ, му ухата Гитлер / Орт таср, уга бол* ‘Зловонный, злонамеренный Гитлер, провались, пропади’ [Баснга М. 1962б: 192]. После общего проклятия автор детализирует проклятия, насылающие болезни врагу: *Ховдгар нааран хэлэдг / Хойр нүднчн сохрг, / Худл, бузр хойрдчн / Хойр чикнчн дүлэрг. / Шүдн, шүрвснчн зоважэ / Сууһад доран тэкр* ‘Пусть ненасытные твои глаза, глядящие сюда, ослепнут, пусть оглохнут твои уши от лжи и грязи. Пусть тебя мучают зубы и жилы, пусть у тебя отнимется тело’ [Баснга М. 1962б: 192]. По мнению фольклориста, энергетика проклинающего слова особенно видна в заключительной части проклятия [Борджанова 2007: 163]. *Орчлгд үзүлсн зовлзган / Эм деерэн ач, / Эврэн бийчнь эдл* ‘Все страдания, причиненные миру, букв. взвали на свои плечи, сам испытай’ [Баснга М. 1962б: 192]. Поэт верит, что благодаря народной силе фюрер будет неотвратимо судим, навсегда тогда оборвется его жизнь: *Эмтнэ чаңһин чаңһ / Аврлтго цаажла харһжэ / Оньдин ам-шир таср* [Баснга М. 1962б: 192].

Стихотворение структурировано императивными формами глаголов, проецирующими семантику уничтожения, разрушения, повреждения врага: *үк* ‘умри’, *хооср* ‘разорись’, *хувр* ‘засохни’, *чилтхэ* ‘окончись’, *уга бол* ‘исчезни’, *сохрг* ‘ослепни’, *дүлэрг* ‘оглохни’, *тэкр* ‘стань недвижимым’, *таср* ‘оборвись’. Представление защитников родины и ее врагов дано в фольклорных традициях антитезы добра и зла, жизни и смерти, чести и бесчестия, при этом противник позиционируется как нечистая сила.

Элементы харала есть в стихотворениях калмыцких поэтов 1930–1940-х гг. — «Батар бууһан атх!» Басанга Дорджиева («Крепче держи винтовку», 1939), «Хүвд күртшгот» («Не добьетесь», 1941) Церена Леджинова с такими же формульными проклятиями фашизму, например: *Нүднчн сохр!* ‘Ослепни!’, *Хортн-фашистнр / өдр ирвэс / Хад-чолунд / шүдэн хэврүхэнэ!* ‘Враги-фашисты с каждым днем пусть сточат зубы о камень!’ [Доржин Б. 1939: 1], *Хар / керэс / нүдинь / чоңкэ!* ‘Пусть черные вороны выклюют глаза!’ [Лежнё Ц. 1941: 1].

Ср. в алтайской поэзии «ритуальное проклятие врагу — *каргыш* в творчестве Янги Тодоша представлено в классической форме заклинания-свидетельства, где герой обещает своими глазами увидеть гибель Гитлера и его державы» [Королёва 2016: 50].

Песни и причитания периода Великой Отечественной войны у «даргинцев переплетаются с проклятиями в адрес тех, кто виновен в гибели близкого человека. Ненависть к врагу, и в особенности к Гитлеру, выражается непосредственно обращенными в его адрес проклятиями. <...> Гитлеру желают, чтобы он не смог с постели встать двенадцать месяцев в году, чтоб, измучившись, сдох, чтоб семь дней недели остался незахороненным» и т. д.» [Алиева 2015: 161, 162].

Возрождение фольклорного жанра песни-проклятия наблюдалось в период сталинских репрессий — тринадцатилетней ссылки калмыцкого народа (1943–1956 гг.), в «Песне, проклинающей Сталина» («Сталинд харал тэвжэх дун»). В названии этой народной песни заявлен жанр *харал* и указан конкретный адресат. В других песнях присутствуют элементы проклятия в адрес И. В. Сталина [Тёрскн һазрин 1989; Гэрэн В. 2006; Сто калмыцких 1991].

И. М. Болдырева в статье на тему депортации приводит такие строки из разных сборников из песни «Сиврин салькнд» («На сибирском ветру»): *Маниг туусн Сталин / Махичн ноха идтхэ!* ‘Выславший нас Сталин, / Пусть собаки съедят тебя!’ и из песни «Туугдлһн» («Ссылка»): *Санамр бээсн хальмгудиг / Сексржэ Сиврүр йовулла. / Сексрүлжэ йовулсн Сталин / Чини наснчн ахр болтха!* ‘Спокойно живущих калмыков / Внезапно выслал в Сибирь. / Выславший нас Сталин, / Пусть твоя жизнь будет короткой!’ [Болдырева 2020: 258]. В данных примерах наблюдаем краткие формульные проклятия с пожеланием смерти адресату в первом тексте, с пожеланием ему укороченной жизни — во втором тексте.

Ср. обрядовый характер другой народной песни «Эвакуац» («Эвакуация»), по мнению исследователей, «проявляется во включении в ее текст проклятий (калм. *харал*) в адрес врага, которые звучат заклинаниями. В проклятьях, направленных в адрес конкретной личности — Гитлера, присутствуют традиционные формулы, свидетельствующие об эпическом характере текста песни (*Элһн, нурһн дерн өөк шархм лавта!* ‘На [твоей] спине жир точно поджарим!’; *Номин жидэр шахад алхм лавта!* ‘Праведным копьём пронзив, точно уничтожим!’; *Өргэд алхм лавта!* ‘Подняв, точно уничтожим!’; *Жид шорин үзүрэр шахад алхм лавта!* ‘Острием копья пронзив, точно уничтожим!’), но и более современные реалии военного времени (*Бу жидин үзүрэр өргэд алхм лавта!* ‘Подняв на штыке ружья, точно уничтожим!’; *Самолётын живрэр дарад алхм лавта!* ‘Крылом самолета придавив, точно уничтожим!’; *Аля бомбин осколкар дарад алхм лавта!* ‘[Летящими] стремительно осколками бомбы точно засыплем!’) [Бакаева, Убушиева 2019: 515]. Среди признаков заклатья-проклятия в песне, сложенной в 1942 г., — повторя-

ющиеся рефреном перечисленные словосочетания, глагол-императив, наречие «точно», упоминание антигероя только по фамилии, что в контексте стилистики жанра проклятия должно обеспечить точное исполнение заклęcia [Бакаева, Убушиева 2019: 515]. Наконец, герой песни, уходящий в эвакуацию для спасения общественного скота, так же, как и красноармейцы, вступает в противостояние с врагом — и потому его слова, заключающие каждый куплет в песне, обретают смысл военной клятвы-проклятия [Бакаева, Убушиева 2019: 517].

Если до этого периода в самых разных жанрах калмыцкой поэзии — *дун* ('песня'), *магтал* ('восхваление'), *йөрүл* ('благопожелание'), *өлгән дун* ('колыбельная песня'), *частуикс* ('частушка') — звучали словословия главе советского государства, то позже таких текстов уже не было. В то же время стихи-харалы калмыцких поэтов в адрес Сталина не появились в печати из-за цензуры, а может, они и не были написаны по разным причинам, в том числе из-за того, что за создание и исполнение подобных произведений, как и песен, следовали арест и заключение на длительный срок. Один из таких фактов — арест за исполнение народной песни о ссылке — приводится в статье современных исследователей [Борлыкова, Омакаева 2013: 238–239].

«Проклятия, часто встречающиеся в текстах песен-плачей, представляют собой систему словесных формул, являющихся яркими образцами организации текста в соответствии с прагматикой высказывания. Проклятия также были традиционны для устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, их общая функциональная направленность представляла выраженное словами пожелание какой-либо беды, являющееся отражением внутреннего состояния человека, в проклятия обычно вкладывались пожелания угрозы здоровью, благополучию, счастьем, иногда самой жизни врагов. В песнях-плачах авторы проклинают природу чужбины, людей виновных в их выселении», — пишет современный исследователь о песнях-проклятиях в «поэзии выселения» [Чотчаева 2014: 358–359].

Стихотворение Боси Сангаджиевой «Харал» (1966)

В поэзии Боси Сангаджиевой (1921–2001) нами выявлены два стихотворения, написанные в жанре *харал* в 1966 и 1991 гг. Эти тексты с одинаковым заглавием отличаются разным содержанием и формой. Первый текст, созданный в 1966 г., вошел в пятый поэтический сборник «Үндүклүгә» («Правда бессмертна»), изданный в Элисте в 1967 г. [Саңһжин Б. 1967: 44–46]. Затем был переиздан в 1-м томе избранных произведений Сангаджиевой в 2008 г., составленный после ухода автора [Саңһжин Б. 2008: 138–139].

Второй текст, написанный в 1991 г., неоднократно публиковался в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») [Саңһжин Б. 1991а: 3; Саңһжин Б. 1997: 4] и журнале «Теегин герл» («Свет в степи») [Саңһжин Б. 1991б: 31–32; Саңһжин Б. 1996: 84–85]. Судя по частотности публикации второго текста, для поэта он был предпочтительным.

Оба стихотворения не были переведены на русский язык, малоизвестны. Поэтому вначале приведем полностью первый текст стихотворения «Харал», чтобы нагляднее представить два произведения в сравнительно-сопоставительном плане.

Хар эрх эс хадхлдэг
 Хайрха бортхиг **харанав**.
 Зевт даргдад кевтсн, ханжаалиг,
 Зеврсн гертэһинь хам **харанав**.

Күүнэ толһа эс халулдг махлаг,
 Киитн үгтэ шүлгүдиг **харанав**.
 Мах шардго төмр шориг
 Маасаж хара кевтсинь **харанав**.

Эрүн нерэн хадхлхан мартэж,
 Эср үзүлсн хамгиг **харанав**.
 Эврэ келэн дөөгүлсн амтиг
 Эрс үгэр давхр **харанав**.

Ичр-хутриг эн насндан
 Иткэж медэд угаг **харахмн**.
 Гиичд үүдэн эс тээлсн
 Герин эзиг дам **харахмн**.

Альд чигн мини дурго
 Андрсн худлиг алмэж **харанав**.
 Уул авцан мартсн улсиг
 Уурта кевэр андлэж келнэв.

Эдмтхэ хурвлһ шовун мет,
 Эрүн герлэс зулсиг **харанав**.
 Сарул андһар болсн үгэн
 Сальк дахулэж хайсиг **харанав**.

Өвкнрин герэслсн уулан күндлэж,
 Өкэж сөгдхэн мартад, ахлачнрин
 Өмн өвдгүлсн зуһу залусиг —
 Хамг гемэн хэрүлэж ээрвчн,
Харалар өмнэснь бэрүлэж хахув.

Эцкиннь гертэн ичр учрасн,
 Экэн мартсн үрнд — **харал**,
 Эгч-дүүнрин зовлң эс оньһсн
 Эврэ төрсн саднд — **харал**!

Муңһуг ухата, зес маңната
 Мекч, зуһу амтст — **харал**,
 Деер седклтэ, хар ухата,
 Дүүвр саната байһудт — **харал**!

Эңгин жэцрһлэс хорсиг **харанав**.
 Энлһнэ дээнэс сүрдсиг **харанав**.
 Өмөн зуг үздг күүг
 Эдмтхэ улсла хамднь **харанав**!

Хамг келн-улстан дуртав,
 Хама болвчн теднэс негинь
 Харт шахэж, хутахар седхлэнь —
Харалан хурв дэжэж тэвнэв!

Зовлң учрад, дуудсн кемлэ
 Золһхан мартснь **харалд** одг.
 Дун болһна айс дуражэ,
 Дуулсн дун **харалд** хамдг!

[Саһһжин Б. 2008: 138–139].

Первый текст включает 49 строк (11 четверостиший и 1 пятистишие), второй — 40 строк (10 четверостиший).

Поэтика заглавия, актуализирующая жанр произведения, направлена на знакомство с фольклорным образцом и его традицией в литературе, поддерживается синтаксическим параллелизмом с рефреном — словом *харал* в разных грамматических формах: глагол *харанав* ‘проклинаю’ в ед. числе настоящего времени, во мн. числе будущего времени *харахмн* ‘проклянем’, существительное *харал* ‘проклятие’. В первых трех строках, в пятой строфе синтаксический параллелизм с концевой рифмой *харанав* наблюдаем во 2-й и 4-й строках, в девятой строфе этот глагол утроен в 1, 2 и 4 строках. В четвертой строфе этот глагол в единственном числе переходит в глагол множественного числа. Восьмая и девятая строфы организованы синтаксическим параллелизмом существительного *харал* в определении того, что может стать объектом проклятия. В третьей строфе актуализировано двойное проклятие (*Эрс үгэр давхр харанав* ‘Резкими словами дважды проклинаю’), в одиннадцатой строфе — тройное

проклятие (*Харалан һурв дэжэ тэвнэв* ‘Трижды произнесу харал’) (здесь и далее наш подстрочный перевод. — Р. Х.). В заключительной двенадцатой строфе синтаксический параллелизм создан дополнением *харалд*. Итак, 14 слов в глагольных форм (*харанав, харалхмн*) и 8 существительных в разных падежах (*харал, харалар, харалан, харалд*) в тексте передают экспрессивное отношение автора к предмету разговора — что такое проклятие, что подлежит проклятию. Репрезентируя понятие проклятия, поэт манифестирует тему стихотворения такими 23 словами (включая заглавие) — на 195 слов общего текста приходится 11,7 % лексики *харал*.

Лирический субъект стихотворения сразу выражает свое чувство решительного неприятия тех или иных сторон действительности. Здесь нет вступительной части, своего рода предисловия к заявленной в названии теме разговора — что такое харал (проклятие) в жизни человека, кому (чему) он адресован, кем (чем) обусловлен, опасен или безобиден в произнесении или воспроизведении. Тем не менее есть заключительная часть, подводящая общий итог монологической речи, подразумевающей диалогический посыл.

Условно содержание произведения можно подразделить на два больших блока: 1) проклятие вещи; 2) проклятие человеку-отступнику. Внутри первого блока — это проклятие четырем вещам, не выполняющим своей предназначенной функции: дырявой кожаной посуде (*бортха*), ржавому кинжалу в ржавых ножнах (*ханжсал*), не греющей шапке (*махла*), пустому шампуру (*шор*). *Хар эрк эс хадһлдэ / Хаһрха бортхиг харанав* ‘Дырявую бортху, не сохраняющую водку, проклинаяю’; *Зевт даргдад кевтсн ханжсалиг / Зеврсн гертэһинь хам харанав* ‘Лежащий в ржавчине кинжал вместе с проржавевшими ножнами проклинаяю’; *Куунэ толһа эс халулдэ махлаг <...> / Мах шардго төмр шориг / Маасаж хара кевтсинь харанав* ‘Шапку, которая не греет голову человека <...> / Шампур, на котором не жарят мясо, без дела лежащий проклинаяю’ [Саңһжин Б. 2008: 138]. Если в свою очередь обратить внимание на ущербность трех вещей (дырявость посуды, ржавчина на оружии, холодная шапка), то можно предположить, что проклятие косвенным образом падает и на их владельца, не заботящегося о починке посуды, о хранении в боевой готовности оружия, об использовании шампура по назначению, или на мастера, сшившего не греющий головной убор. В то же время акцентировано, что дырявый кожаный сосуд не сохраняет алкоголь — водку (*хар эрк*), а не просто любую жидкость. При этом между шапкой и шампуром в тексте обозначены стихи, не соответствующие истинной поэзии: *Киитн үгтэ шүлгүдиг харанав* ‘Стихи с холодными словами проклинаяю’ [Саңһжин Б. 2008: 138]. Такой перечень вещей, сочетающий вещи домашнего обихода и боевое оружие, в который вклинивается явление духовного порядка — искусство, поэзия, вызывает читательское недоумение в своей аксиологической градации. Логично предположить, что такой стихотворец должен оказаться в перечне второго блока, адресованного людям. Слово *харал* помимо первого значения (проклятие) во втором значении понимается как брань, ругательство. В таком случае брань, ругань в отношении вещей предстает как обыденность, а не ритуальное проклятие. Но четкого разграничения брани и проклятия в тексте не наблюдается.

Первый блок составляют начальные две строфы, остальные десять строф входят во второй блок. На наш взгляд, второй блок условно включает нескольких подблоков. Их можно разделить на харалы, направленные: 1) на поведение человека в личной жизни (дом, семья, родня); 2) на общественном поприще; 3) на явления, обусловленные поступками людей. Гендерное различие в этом плане не соблюдается. В возрастном отношении выделен подблок — молодежь. Во втором блоке подблоки не имеют системного характера, четких границ, переходят из одного в другой без всякой видимой причинно-следственной связи. Здесь лирический субъект наряду с личной оценкой *харана*в ‘проклинаю’ прибегает к обобщению, выраженному множественным числом глагола *харахмн* ‘проклинаем’ или существительным *харал* ‘проклятие’.

Рассмотрим первый подблок — личная жизнь человека. *Гиичд үүдэн эс тээлсн / Герин эзиг дам харахмн* ‘Хозяина дома, не открывшего дверь гостю, будем проклинать’ [Саңһжин Б. 2008: 138]. Проклятие связано с нарушением обычая гостеприимства, не соблюдением традиций предков, принимавших путника в кибитке в любое время: *Эцкиннь гертэн ичр учрасн, / Экэн мартсн үрнд — харал, / Эгч-дүүнрин зовлң эс оньһсн / Эврэ төрсн саднд — харал!* ‘Тому, кто в отцовском доме совершил постыдный поступок, / Кто забыл свою мать, — проклятие, / Тому кто, кто не поддержал в страдании братьев и сестер, своей родни, — проклятие’ [Саңһжин Б. 2008: 138]. В первых строках оппозиция «родители — дети» передает подчиненный характер младших взрослым, детей — родителям, как и полагается в народной педагогике. В следующих строках нет гендерных, возрастных критериев в общении с родней, когда она нуждается в поддержке и сострадании. Таким образом, семейный кодекс поведения человека, строго регламентированный народной этикой, не допускает отступления от правил.

К этому подблоку можно присоединить подблок, адресованный молодежи: *Деер седклтэ, хар ухата, / Дүүвр саната баһчудт — харал!* ‘Легкомысленной, злонамеренной, / Высокомерной молодежи — проклятие’ [Саңһжин Б. 2008: 139]. По нашему мнению, экспрессивная характеристика такого подрастающего поколения с решительным его неприятием вступает в противоречие с системой воспитания, основанного на достойных образцах и примерах по подобию. Как и в первом блоке, во втором блоке нет разграничения между бранью и проклятием в этом случае.

Самый большой подблок направлен против несправедливого поведения человека в обществе. Среди них проклятия против тех, кто забыл о своей чести, потерял стыд, живет без принципов, не соблюдает клятву, имеет необузданный характер, лъстиво преклоняющихся перед начальством, трусливых, бегущих от страданий войны. Дважды проклинает лирический субъект людей, насмехающихся над своим языком, в контексте — не знающих его, кроме того, осуждает не соблюдающих заветы предков, не подчиняющихся им. В этот ряд попадают и те, кто глуп, твердолоб, хитер, лъстив (лесть определяют как опасный «белый язык», поэтому в обряде «отрезания черного языка» переплетенная веревка двух цветов, черного и белого, символизирует как злой, так и лъстивый язык). Трижды подвергнут проклятию тот, кто применит насилие, опорочит свой народ. Примечательно, что все харалы направлены против недостойных представителей своего народа.

Заклячая сказанное, поэт подытоживает: *Дун болһна айс дураж, / Дуулсн дун харалд хамгдг!* ‘Мелодии каждой песни подражая, / Пропетая песня силу харала пусть имеет’ [Санҗжин Б. 2008: 139]. Согласно авторской интенции, стихотворение «Харал» представляет собой, следовательно, синтез жанров: *харал* ‘проклятие’ и *дун* ‘песня’. Думается, что вряд ли можно согласиться с авторским определением этого произведения. Йорялы и харалы относятся к речевому жанру, они не пелись, а произносились. Если йорялы-благопожелания носили и публичный характер, то харалы-проклятия — в основном локальный, за исключением харалов военной поры (стихотворение-харал) и сибирской ссылки калмыков (песня-харал). Тем более что содержание данного стихотворения Б. Сангаджиевой являет по структуре харал, направленный против вещей и недостойного поведения людей.

Стихотворение Боси Сангаджиевой «Харал» (1991)

Харал

*Хама йовдг болвчн
Харалас саглтн, сежглтн,
Жилмүд давдг болвчн
Седклд харал — шигдэгч.*

*Харалас көлтэ иньгүд
Хоорндан хортн болцхана,
Үүрмүд, садн, төрлмүд
Элгхэ нуурч цөкрнэ.*

*Ха-йир, алмацнав,
Харал күрхий? Кемэднэ,
Һацата үгнэ болв,
Һалас даву догшин.*

*Харал көлин тавгт
Хатхгдсн хатханчг бишил,
Зүүһэр, чимкүрэр кезэчн
Седклэс сөнглжэ болигол.*

*Һазр-һазрин харал
Һацуута, һалзу, догшин,
Хойр гергнэ харал
Холын жилмүдт соңслав:*

*Харалан негнэ тэвчкэд
Хар ус ардаснэ цацла,
Хээснэ кө келндэн түркэд
Хойр альхан хордэж ташила.*

*«Хараччнь хамх тустха,
Һуултччнь арат хуцтха,*

Харал (Проклятие)

Где бы вы ни были, где бы ни жили —
Бойтесь проклятия, остерегайтесь!
Сколько бы лет ни прошло, вы бы жили
С сердцем в пиявках, изнемогая.

Из-за проклятия станут врагами
Прежде дружившие, ныне чужие,
Даже родня теперь будет не с вами —
Нет с ней общения: речи все лживы.

Все же сомнение есть... Так ли это?
Прокляты?.. Слово настигло?.. Кто знает?..
Правда, бывает на белом свете
Слово свирепей огня без пощады.

То не занозой в ступне вашей близко
Слово торчит, так легко его вынуть.
Нет, ни иглою, ни щипцами какими
С корнем из сердца харала не вырвать.

Горький обычай, жестокий и ярый,
Сеет он беды, раздоры и ссоры.
В слове «харал» смысл дан его черный,
Я услышала давно и не скрою.

Женщина та, что сказала проклятье,
Чистой воды вслед плеснула в дорогу,
Сажей намазав язык для заклатья,
Хлопала злобно в ладоши подолгу.

«Чтобы разрушилась матица в юрте,
Чтобы в очаг твой лиса стала лаять,

*Амичнь ардчнь харх», — гиж
Аралдэж наадкнь хэрүүлэ.*

*Эдниг соңсн нанд
Өдгэ күртл өврмж,
«Харалин экн — цусн,
Йөрэлин экн — тосн».*

*Хальмгин эн үлгүр
Харалас даву цецнлм,
«Чолуһар шивсн күүг
Өөкэр шив», — гинэлм.*

*Харалд бичэ авлгдтн,
Хоорндан үүртэ бээцхэтн,
Седкл байрар дүүрх,
Соньн йөрэлэн хувацтн.*

Чтобы твой рот вышел сзади, пусть будет», —
Ей на харал отвечала другая.

То, что слышала, помню поныне.
А ведь начало проклятия — кровь,
Благожелания — масло. Забыли?
Предков пословицу помним мы вновь.

В этой пословице все очень верно:
Мудрость сильнее обычных проклятий.
«Кто бросил камень в тебя, ты ответно
Брось в него салом», — так скажут. Не так ли?..

Не поддавайтесь проклятию, люди,
Не вспоминайте харалы, забудьте!
Будем дружны мы и в праздник, и в будни,
Благожеланием в радости будем.

[Саңһжин Б. 1991а: 3]

[Сангаджиева 2022].

По сравнению с первым сангаджиевским стихотворением 1966 г. во втором стихотворении 1991 г. слово *харал* используется только в форме существительного в разных падежах (*харал*, *харалас*, *харалан*, *харалин*, *харалд*) — 12 раз (включая название), без глагольной формы. На 123 слова в этом тексте приходится 9,7 % лексики *харал*. Ср. стихотворение М. Басангова, где на 228 слов приходится одно слово *харал* в названии, т. е. 0,4 %.

Если в первом тексте Б. Сангаджиевой активной была роль лирического субъекта, выразившего свое отношение к вещам и людям в виде харала преимущественно в глагольной форме настоящего времени от 1-го лица (*харанав* ‘проклинаю’), то во втором тексте лирический субъект размышляет на избранную тему, приводит давно услышанный харал и призывает современников отказаться от пагубного обычая, забыть эти проклятия, делиться только благопожеланиями.

В отличие от первого текста во втором тексте есть вступление в тему — совет остерегаться проклятия, где бы то ни было: *Хама йовдг болвчн / Харалас саглтн, сежглтн* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Пояснением к совету становятся последующие строки начальной строфы: *Жилмүд давдг болвчн / Седклд харал — шигдэч* ‘Сколько бы лет ни прошло, / Для сердца проклятие — пиявка’ [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Метафорическое обозначение сердечной раны, из которой пьет кровь пиявка, передает длительный процесс воздействия услышанного в свой адрес проклятия, переживания человека по этому поводу. Как известно, издавна в медицине пиявки применяются при лечении болезней, но в данном произведении символика пиявки имеет иной, негативный вектор — паразит, питающийся человеческой кровью. При этом автор не задается вопросом, что это за проклятие, почему было сказано и за что на человека насылаются беды и несчастья. В контексте первой строфы — это и предостережение от общения с людьми, которых в народе называют *хар саната* (букв. ‘с черными мыслями’), т. е. недоброжелательные.

Основная часть стихотворения раскрывает бытование обычая, в составе которого вербальная направляющая и определенные действия, подкрепляющие и усиливающие действие речи. Во второй строфе лирический субъект объясняет: *Харалас көлтә иньгүд / Хоорндан хортн болхана, / Үүрмүд, садн, төрлмүд / Элгхэн уурч цөкрнә* [Саңһжин Б. 1991а: 3], т. е. из-за проклятия друзья становятся врагами, товарищи и родня перестают общаться. Но, дистанцируясь от веры предков в магическую функцию слова-проклятия, автор и его лирический субъект выражают сомнение в том, что проклятие исполнится: *Ха-йир, алмацнав, / Харал күрхий?* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Калмыцкое междометие *ха-йир* передает сомнение ('вряд ли'), дополненное глаголом в настоящем времени от 1-го лица *алмацнав* 'сомневаюсь'. Но в следующих строках все же звучит мотив осторожного отношения к харалу: *Кемәднә, / Һацата үгнә болв, / Һалас даву догшин* 'Кто знает, / Неприятные слова / Свирипее огня' [Саңһжин Б. 1991а: 3]. С одной стороны, это отсылка к традиционному определению харала — *догшин* 'свирипый', характерного для фольклора, с другой — понимание негативного воздействия подобной речи для адресата, переживающего испуг, страх, возмущение, гнев, обиду на услышанные угрозы, вне зависимости от того, верит ли он в то, что эти проклятия непременно сбудутся в его жизни. Поясняя свою мысль, автор возвращается к прежнему определению влияния харала на человека, расширяя сравнение: *Харал көлин тавгт / Хатхгдсн хатханчг бишл, / Зүүһәр, чимкүрәр кезәчн / Седкләс сөңгләс болигол* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Он настаивает, что проклятие — это не безобидная колючка, вонзившаяся в ступню, а такая заноза, которую ни иголкой, ни щипцами не вырвать из сердца. Для поэта древний обычай неприемлем, он характеризует его эмоциональными эпитетами — горький, яростный, жестокий: *Һазр-Һазрин харал / Һашута, һалзу, догшин* [Саңһжин Б. 1991а: 3].

Если в первом тексте стихотворения Б. Сангаджиева сразу определяет и называет объекты проклятия, то во втором тексте, ближе к его половине, она подводит к воспроизведению проклятия, которое услышала в далекие времена, став свидетельницей ссоры двух женщин. Здесь нет уточнения, насколько велика эта временная дистанция, поскольку традиционные формулы харала диссонируют с современными реалиями бытия. Автору, родившемуся в 1921 г., было 69 лет в год создания второго текста стихотворения (ср. 45 лет в год написания первого текста стихотворения). Судя по всему, это собственные воспоминания из детской или юной поры. Надо учитывать, что отцом Боси Бадмаевны был известный джангарчи Менкена-сун Бадмаев (1879–1944), и она с раннего возраста знала калмыцкий фольклор. «Он познакомил меня с богатым устным народным творчеством калмыков и привил любовь к поэзии», — вспоминала позднее, в 1994 г., его дочь [Ли-ра... 2008: 10].

Примечательно, что в 1991 г. автор, передавая ссору двух женщин, ограничивается воспроизведением только второго харала, прозвучавшего как ответ первому харалу. При этом поэт подробно описывает действия первой женщины, закрепившей свое проклятие тем, что плеснула вслед чистой водой, намазала язык сажей от котла, злобно хлопала в ладони: *Харалан негнә тәвчкәд / Хар ус ардаснә цацла, / Хәәснә кө келндән түркәд / Хойр альхан хордәж ташла* [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Возникает вопрос, чем обусловлен авторский отказ от

передачи харала первой женщины? Ведь во втором харале зеркально отражается первый харал, о содержании которого можно только догадываться.

Харал второй женщины состоит из трех формульных проклятий: *Харачнь хамх тустха*, / *Хулмтчнь арат хуцтха*, / *Амчнь ардчнь харх*», — *гизж* / *Аралдж наадкнь хэрүцлэ* ‘Чтобы разрушилась матица [твоей кибитки], / Чтобы на твой очаг лиса лаяла, / Чтобы [твой] рот сзади вышел», — / Ответила ей другая’ [Саңһжин Б. 1991а: 3]. Первые два формульных проклятия адресованы дому и семье первой женщины, третье проклятие направлено на пожелание ей физического увечья, смерти. В совокупности — общее проклятие, пожелания бед, горя, разорения семье.

Харач — это матица, круг (юрты) [КРС 1977: 578]. О взаимосвязи дома и семьи свидетельствует калмыцкая поговорка: *харач өндөхлэ, өрк чигн өндөдэ* ‘когда поднимется матица кибитки, то поднимется и семья’ [КРС 1977: 578]. И, наоборот, проклятие в чей-то адрес: *харачнь хамхртха* ‘да поломается матица его юрты’ [КРС 1977: 578], т. е. остаться ни с чем, разориться. Недаром калмыцкая пословица гласит: «Нет юрты без круга. / Нет дерева без листьев» [Фольклор монгольских народов 2011а: 261]. Ср. с монгольским проклятием, где это пожелание выражено иносказанием: «Пусть в доме светит солнце и луна», т. е. произносящий желает, чтобы в доме не было верхнего круга кибитки, а это равнозначно отсутствию таковой вообще [Сангаджиева 2003: 177]. Кроме того, калмыцкий харал «Пусть у твоей кибитки дверь и дымовое отверстие будут закрыты» — отзвук плохой приметы: и то, и другое могло быть закрыто в случае гибели всей семьи или их болезни, по суеверным представлениям народа [Душан 2016: 62].

Второе проклятие (*Хулмтчнь арат хуцтха*) в стихотворении Б. Сангаджиевой перекликается с проклятием: *Хулмтчнь арат маажж* ‘Пусть твой очаг поцарапает лисица’. «Тема второго проклятия — это пожелание, чтобы семейный очаг опустел, разорился, а впоследствии исчез с лица земли» [Борджанова 1999: 53]. Исследователи отмечают, что «не любили лису ойраты, проживающие в зоне Монгольского Алтая, Джунгарии, соприкасавшиеся с китайской культурой, считая ее животным с „черным следом“, т. е. приносящим несчастье» [Содномпилова, Нанзатов 2016: 50], поскольку у монголов норные животные связаны с нижним миром, миром мертвых. Ср. в монгольском проклятии: «Да ощенится в котле твоём волчица» [Сарангов 2010: 42]. Другое проклятие связано с неустойчивостью кибитки, которая могла упасть дымовым отверстием вниз: «Пусть дымовое отверстие твоей кибитки упадет внутрь на очаг» [Душан 2016: 72], в таком случае калмыки полагали, что сама природа не хочет, чтобы здесь был очаг (т. е. семья) [Душан 2016: 72].

Третье проклятие (*Амчнь ардчнь харх*) в стихотворении калмыцкого поэта являет обратное моделирование, создававшее, как у хакасов, «мир перевернутых ценностей: „Голове твоей да внизу быть!“» [Сагалаев, Октябрьская 1990: 172].

Если в тексте у Б. Сангаджиевой не воспроизводился харал первой женщины, но подробно описывались закрепляющие его обрядовые действия, то, наоборот, харал второй женщины воспроизводился полностью, но уже без обрядовых действий.

В то же время, как известно, «бытовал также харал против харала — своеобразный оберег против произнесенного проклятия:

*Харасн харалчн
Хэрү бийэрчн харг.
Хавснчн дегд бол.
Төөрч-төөрч толһаһар ор,*

Эргэж-эргэж эхэрчн ор.

Произнесенный тобой харал
Пусть падет на тебя.
Пусть ребра твои скрючатся.
Пусть харал, блуждая, войдет
в голову твою,
Покружившись, войдет в мозг»

[Сарангов 2010: 43].

Или произносили в ответ «йорел оберегающего характера». В основном высказывали пожелание, чтобы произнесенный харал стал благопожеланием: *Не, харасн харалчн йөрэл болг* ‘Пусть твой харал станет йорелом’ [Борджанова 1999: 56].

В стихотворении Б. Сангаджиева приводит калмыцкую пословицу: *Харалин экн — цусн, / Йөрэлин экн — тосн* ‘Начало харала — кровь, / Начало йоряла — масло’ [Саңһжин Б. 1991а: 3], подчеркивая ее мудрость. Подобные пословицы есть и у монголов (*Ерээлийн узуурт тос, хараалын узуурт цус* ‘На кончике благопожелания — масло, на кончике проклятия — кровь’), у бурят (*Юроолэй узууртэ — тоһон, хараалай узууртэ — шуһан*) [Фольклор монгольских народов 2011б: 297].

Иллюстрируя харалы в своем тексте, поэт напоминает калмыцкую поговорку, в которой иносказательно дан совет, как нужно вести себя при возникновении конфликта: *«Чолуһар шивсн күүг / Өөкэр шив», — гинэлм* ‘В человека, бросившего в тебя камень, кинь салом’ [Саңһжин Б. 1991а: 3], т. е. на харал ответь йорялом. Ср. калмыцкую поговорку: «На человека, бросающегося рогами, отвечают броском сала» [Фольклор монгольских народов 2011а: 257].

Поэтому, завершая свои размышления о древнем обычае предков, уходящем в прошлое, но сохраняющемся еще в обычных ссорах и конфликтах, Б. Сангаджиева призывает современников: *Харалд бичэ авлгдтн, / Хоорндан үүртэ бээцхэтн, / Седкл байрар дүүрх, / Соньн йөрэлэн хувацтн* ‘Не поддавайтесь харалу, дружите между собой, тогда души наполнятся радостью, делитесь особенными благопожеланиями’ [Саңһжин Б. 1991а: 3].

Ср. в газетной публикации 1997 г. стихотворение 1991 г. укорочено, состоит уже из 9 строф; в последней измененной строфе призыв к сородичам — не сохранять харалы — сочетается с напоминанием о калмыцкой поговорке насчет камня и сала: *Хальмгин олн уйир, / Харал бичэ хадһлтн, / Чолуһар шивсн күүг / Өөкэр шив гинэлм!* [Саңһжин Б. 1997: 4]. В журнальной публикации 1996 г. после 9 строфы завершение известной уже 10 строфой [Саңһжин Б. 1996: 85].

По сравнению с первым текстом стихотворения «Харал» во втором тексте поэт вводит фольклорные, этнографические элементы, связанные с магической поэзией калмыков, приводит пословицы и поговорки, собственные воспоминания о давней ссоре двух женщин, обменявшихся между собой проклятиями, размышляет о добре и зле, отраженных словом. Все это придает философский характер стихотворению 1991 г.

Два текста созданы с соблюдением традиции национального стихосложения, выражают авторскую интенцию, эмоционально открыты.

Наряду с жанром стихотворения-харала в поэзии Б. Сангаджиевой есть и стихотворения-йорялы (благопожелания), например: «Төвкнү йөрэжэнэв»

(«Желаю мира») [Саңһжин Б. 1969: 2], «Байрин йөрэл» («Праздничный йорял») [Саңһжин Б. 1970: 3], сохраняющие фольклорную традицию.

Примеры синтеза йоряла-проклятия, когда речь начинается благопожеланием, а завершается проклятием, наблюдаем в «Исторической песне о поражении халхасского Шолой-Убуши-хун-тайджи в 1587 году», памятнике калмыцко-ойратской литературы XVI в. В прозаическом переводе Г. Гомбоева пленный мальчик-ойрат перед смертью обращается к богу войны: «Да прольется черная кровь Убаши хунтайджия! Стегну его да положится на подушку! Черное знамя его да искрошится на большой дороге на мелкие куски! Да возьмет его любимую жену Дара Байбагас — владетель всех (ойратов)! Длинное черное знамя его да переломится в ногах ойратов (во время сражения)! Лошадь его саврасую из саврасовых да подденет копьём за опущенный красный шелковый повод какой-нибудь ойратский молодец и остановит ее! На месте Бачи да будет он поражен смертельно! На месте Худуду да будет разбит наголову! На месте Эмэлин Олон Долодой да сокрушатся печень и почки его! На месте Хада да претерпит он поражение, сопровождаемое криком! На реке Болохто да рассыплется от поражения! Да возьмут ойратские молодцы богатство и счастье его! <...>» [Лунный свет 2003: 43–44]. Этот «йорял-молитва» превратился в страшное проклятие. «Это проклятие, как говорится далее в повести, тут же возымело свое действие: оно произвело сильное впечатление на воинов Убаши хун тайджи, которые были „потрясены“, и в самом войске „произошло смятение“» [Бадмаев 1984: 16–17]. Формулы этого проклятия передают семантику смерти, бесчестия, военного поражения, разорения, направленные против врага и его войск.

Таковую же трансформацию претерпевает йорял, переходящий в харал, в антиклерикальной сатире Хасыра Сян-Белгина «Йөрэл харалин дамбрлт» («Сатира на йорялы и проклятия», 1929): *Йөрэлтн харал болв. / Йөрэлтн тоңһаж цөмрв* <...> ‘Благопожелание стало проклятием. Благопожелание, перевернувшись, разрушилось’ [Сян-Белгин Х. 1959: 12].

Заключение

Жанр *харал* в калмыцкой поэзии XX в. находился на периферии литературного процесса, имел локальные образцы в творчестве указанных поэтов: одноименные стихотворения Мукебюна Басангова и Боси Сангаджиевой, созданные в разные годы — в 1942, 1966 и 1991 гг. Эти тексты отличаются своей направленностью: у М. Басангова — это проклятие в адрес фашизма в годы Великой Отечественной войны, у Б. Сангаджиевой — это размышления на тему древнего обычая, связанного с магической поэзией предков, веровавших в вербальную силу слова и действия против враждебной стихии природы и людей. Два разных стихотворения Б. Сангаджиевой передают авторские интенции об истории и культуре калмыцкого народа, о йоряле-благопожелании и харале-проклятии в жизни человека, о защите и противодействии негативному посылу, о необходимости мира и согласия между людьми. Условно содержание произведения 1966 г. можно подразделить на два больших блока: 1) проклятие вещи; 2) проклятие человеку-отступнику. Стихотворение 1991 г. по сравнению с предыдущим имеет философский характер, опираясь на народные пословицы и поговорки.

Оба поэта, ориентируясь на фольклорный аналог, трансформируют харал в соответствии с аксиологическим вектором и народной педагогикой, соблюдая традицию национального стихосложения.

Все три авторских текста созданы в жанре харала по форме и содержанию, структурированы синтаксическим параллелизмом, повторами, рефренами, формульными проклятиями, глагольными императивами, модальными частицами, передающими должествование в настоящем и будущем времени, наряду с прямым высказыванием имеют иносказание, метафору, символику, сравнение.

Элементы харала встречаются в военных стихотворениях-клятвах калмыцких поэтов, а также являют синтез жанров, как в довоенной сатире Х. Сян-Белгина на йорялы и харалы. Возрождение харала пришлось на годы Великой Отечественной войны и в период ссылки и депортации калмыцкого народа — в народных песнях-проклятиях, как и в фольклоре сосланных народов во время сталинских репрессий.

Поскольку фольклорный жанр проклятия у всех народов не использовался всуе, считалось это грехом, то и литературный жанр, по всей вероятности, не был распространенным явлением, в том числе и в калмыцкой поэзии.

В новом столетии калмыцкие поэты, судя по всему, к этому жанру не обращаются.

Источники

Сангаджиева 2022 — Сангаджиева Б. Харал (Проклятие). Перевод Р. Ханиновой. Рукопись.

Sources

Sangadzhieva B. The Curse. R. Khaninova (transl.). Manuscript. (In Russ.)

Литература

Алиева 2015 — Алиева Ф. А. Даргинские плачи и причитания периода Великой Отечественной войны // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2015. № 7. С. 156–163.

Бадмаев 1984 — Бадмаев А. В. Калмыцкая дореволюционная литература. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 168 с.

Бакаева, Убушиева 2019 — Бакаева Э. П., Убушиева Т. А. О двух калмыцких народных песнях периода Великой Отечественной войны // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 502–521. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521

Болдырева 2020 — Болдырева И. М. Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М. Б. Мудаевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 251–263. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251-263

Борлыкова, Омакаева 2013 — Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У. Лексическая репрезентация прецедентного образа вождя народов в калмыцких песнях 1930–1940-х гг. // Репрессированные народы: история и современность. Мат-лы Всерос. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. 1 / редкол.: Н. Г. Очирова, Б. К. Салаев (отв. ред.), Э. П. Бакаева и др. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 232–240.

Басангова 2002 — Басангова Т. Г. Комментарии // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 36–38.

Басангова, Манджиева 2003 — Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б. Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 185–190.

Басңа М. 1962а — Басңа М. Авшг // Хальмг поэзин антолог / Барт белдсн Калян С., Маңа И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. X. 191.

- Басңга М. 1962б — *Басңга М.* Харал // Хальмг поэзин антолог / Барт белдсн Калян С., Маңга И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. X. 192.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Виноградова 2005 — *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура / редкол.: Т. Н. Свешникова (отв. ред.), Л. Г. Невская, В. Н. Топоров. М.: Индрик, 2005. С. 425–440.
- Восточнославянский фольклор 1993 — Восточнославянский фольклор: Словарь научный и народной терминологии / под ред. К. П. Кабашникова. Минск: Наука и техника, 1993. 478 с.
- Гэрэн В. 2006 — *Гэрэн В.* Мини жирһлин дуд (= Песни моей жизни). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 166 с.
- Доржин Б. 1939 — *Доржин Б.* Батар бууһан атх! // Улан баһчуд. 1939. Мартын 11. X. 1.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Коммуникативное поведение 2015 — Коммуникативное поведение калмыков / Т. С. Есенова, В. В. Горяева, Б. А. Ностаева [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 140 с.
- Королёва 2016 — *Королёва Е. В.* Ойротское наследие в поэзии алтайца-фронтовика Янги Тодоша Бедюрова (1907–1961) // Алтай — Россия: через века в будущее: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский госуниверситет, 2016. С. 49–52.
- Көглтин Д. 1982 — *Көглтин Д.* «Кезэнэс нааран эндр күртл...» («С давних пор и до наших дней...») // Көглтин Д. Үүдэврмүдин хураңфу. Нурвн ботьта. 2-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. X. 170.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лежнэ Ц. 1941 — *Лежнэ Ц.* Хүвд күртшгот // Улан баһчуд. 1941. Июлин 1. X. 1.
- Лири... 2008 — *Лири*, в себе обретенная... Бося Сангаджиева: жизнь и творчество / авт.-сост. Н. Б. Пюрвеева, отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2008. 288 с.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм.; сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Михайлов 1971 — *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1971. 235 с.
- Мушаев, Хонинов 2014 — *Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Функционально-семантическое поле оптативной модальности (на материале современного калмыцкого языка) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10(3). С. 49–53.
- Овалов 2013 — *Овалов Э. Б.* Хальмг улсиг Сиврүр нүүлһснэ эрм дуудын тускар (= О некоторых песнях про выселение калмыцкого народа в Сибирь) // Репрессированные народы: история и современность. Мат-лы Всерос. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. 1 / редкол.: Н. Г. Очирова, Б. К. Салаев (отв. ред.), Э. П. Бакаева и др. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 246–247.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36.
- Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 209 с.

- Сангаджиева 1990 — *Сангаджиева Н. Б.* Джангарчи. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 78 с.
- Сангаджиева 2003 — *Сангаджиева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
- Саңһжин Б. 1967 — *Саңһжсин Б.* Харал // Саңһжин Б. Үүнд үкл уга: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 44–46.
- Саңһжин Б. 1991a — *Саңһжсин Б.* Харал // Хальмг үнн. 1991. Хөн сарин 29. X. 3.
- Саңһжин Б. 1997 — *Саңһжсин Б.* Харал // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 6. X. 4.
- Саңһжин Б. 1991b — *Саңһжсин Б.* Харал // Теегин герл. 1991. № 8. X. 31–32.
- Саңһжин Б. 1996 — *Саңһжсин Б.* Харал // Теегин герл. 1996. № 8. X. 84–85.
- Саңһжин Б. 2008 — *Саңһжсин Б.* Харал // Саңһжин Б. Сунһсн шүлгүд, поэмс. Хойр боть. Хальмг болн орсар келэр. 1-гч боть. Элст: Барин гер «Герл», 2008. X. 138–139.
- Саңһжин Б. 1969 — *Саңһжсин Б.* Төвкнү йөрэжэнэв // Хальмг үнн. 1969. Мартин 8. X. 2.
- Саңһжин Б. 1970 — *Саңһжсин Б.* Байрин йөрэл // Хальмг үнн. 1970. Октябрин 30. X. 3.
- Сарангов 2010 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа: учеб. пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. 136 с.
- Содномпилова, Нанзатов 2016 — *Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. С. 48–63.
- Сто калмыцких 1991 — Сто калмыцких песен / сост. Л. Ц. Цебигов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Сусеев А. 1967 — *Сусеев А.* «Цаһачудыг харасн харал» («Проклятие, проклинающее белых», 1926) // Сусеев А. (Дендэн Айс). Дууна дееж: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 34–36.
- Сян-Белгин Х. 1959 — *Сян-Белгин Х.* Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1959. 136 х.
- Төрскн һазрин 1989 — Төрскн һазрин дуд (= Песни родной земли) / сост. и автор предисл. Б. Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.
- Фольклор монгольских народов 2011a — Фольклор монгольских народов: исследования и тексты. Т. 1. Калмыцкий фольклор / редкол.: Н. Ц. Биткеев (гл. ред.) и др. М.; Элиста: НПП «Джангар», 2011. 498 с.
- Фольклор монгольских народов 2011b — Фольклор монгольских народов: исследования и тексты. Т. 2. Бурятский фольклор / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. М.; Элиста: НПП «Джангар», 2011. 444 с.
- Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Хабунова 2005 — *Хабунова Е. Э.* Гулмт. Хальмгудын эмдрлин эргцин заң-үүл болн амн үүдэвр (= Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). Элиста: НПП «Джангар», 2005. 206 с. (На калм. яз.)
- Ханинова 2020 — *Ханинова Р. М.* Поэтика стихотворения-клятвы в калмыцкой поэзии XX века // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 225–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225-243
- Ханинова 2022 — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в лирике Аксена Сусеева // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века / под ред. А. М. Казиевой: Мат-лы XIV Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Пятигорск, 20–21 апреля 2022 г.). Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2022. С. 90–95.
- Чотчаева 2014 — *Чотчаева М. Ю.* Художественное воплощение темы свободы личности в «поэзии выселения» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 9. С. 351–361.
- Юша 2007 — *Юша Ж. М.* Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106–108.

References

- Alieva F. A. Dargin lamentations from the period of the Great Patriotic War. *Bulletin of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*. 2015. No. 7. Pp. 156–163. (In Russ.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. *Kalmyk Prerevolutionary Literature*. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1984. 168 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Ubushieva T. A. The Great Patriotic War period: Two Kalmyk folk songs revisited. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 502–521. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521
- Bardakhanova S. S., Gympilova S. D. (comps.) *Buryat Folklore. Ser. 'Folklore of Mongolic Peoples: Studies and Texts'*. Vol. 2. N. Bitkeev (ed.). Elista: Dzhangar, 2011. 444 p. (In Russ.)
- Basangov M. (Basnga M.) Kharal. In: Kalyaev S. (Kalyan S.), Matsakov I. (Matsga I.), Sangaev L. (Sangan L.) (comps.) *Anthology of Kalmyk Poetry*. Elista: Kalmykia State Publ. House, 1962. P. 192. (In Kalm.)
- Basangov M. (Basnga M.) The Oath. In: Kalyaev S. (Kalyan S.), Matsakov I. (Matsga I.), Sangaev L. (Sangan L.) (comps.) *Anthology of Kalmyk Poetry*. Elista: Kalmykia State Publ. House, 1962. P. 191. (In Kalm.)
- Basangova T. G. Comments. In: Ochirov N. *Selected Works*. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 36–38. (In Russ.)
- Basangova T. G., Mandzhieva B. B. Songs of sorrow and grief. In: *Political Repressions in Kalmykia, 1920s–1940s*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2003. Pp. 185–190. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. (comp., ed.) *Kalmyk Folklore. Ser. 'Folklore of Mongolic Peoples: Studies and Texts'*. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2011. 498 p. (In Russ.)
- Boldyreva I. M. The deported and returned: Siberia-related Kalmyk songs recorded from M. B. Mudaeva. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 251–263. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251-263
- Bordzhanova T. G. *Kalmyk Magic Poetry: Studies and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. *Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Borlykova B. Kh., Omakaeva E. U. Vozhd of the Peoples in Kalmyk songs, 1930s–1940s: Lexical representation of the precedent image revisited. In: Ochirova N. G., Salaev B. K. et al. (eds.) *The Repressed Peoples: Past and Present. Conference proceedings* (Elista; November 26–28, 2013). Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. Pp. 232–240. (In Russ.)
- Chotchaeva M. Yu. Artistic realization of the theme of individual freedom in the 'poetry of eviction'. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. No. 9. Pp. 351–361. (In Russ.)
- Dordzhiev B. (Dorjin B.) Hold the rifle tight! *Ulan baychud*. 1939, March 11. P. 1. (In Kalm.)
- Dushan U. D. *Selected Works*. V. Batyrov, T. Sharaeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Esenova T. S., Goryaeva V. V., Nostaeva B. A. et al. *The Kalmyks: Communicative Behavioral Patterns Analyzed*. Elista: Kalmyk State University, 2015. 140 p. (In Russ.)
- Garyaev V. (Gärän V.) *Songs of My Life*. Elista: Dzhangar, 2006. 166 p. (In Kalm.)
- Kabashnikov K. P. (ed.) *East Slavic Folklore: A Dictionary of Scientific and Folk Terms*. Minsk: Nauka i Tekhnika, 1993. 478 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. *Kalmyk Wedding Ritual Poetry: A Study and Materials*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)

- Khabunova E. E. The Hearth: Kalmyk Life-Cycle Rites and Ritual Folklore. Elista: Dzhangar, 2005. 206 s. (In Kalm.)
- Khaninova R. M. 20th-century Kalmyk rhymed oaths (poems): Poetics revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 225–243. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225-243
- Khaninova R. M. The genre of kharal in Aksen Suseev's lyrics. In: Kazieva A. M. (ed.) Bi-/Polylinguism and Communication Problems: Challenges of the 21st Century. Conference proceedings (Pyatigorsk; April 20–21, 2022). Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2022. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Koroleva E. V. Poetry of Altaist and WWII veteran Yangi T. Bedyurov (1907–1961): Oirot heritage revisited. In: Babin V. G. (ed.) Altai — Russia: Through Centuries into the Future. Conference proceedings. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2016. Pp. 49–52. (In Russ.)
- Kugultinov D. (Kögltin D.) 'From ancient times to present days ...'. In: Kugultinov D. (Kögltin D.) Complete Works. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. P. 170. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnā Ts.) You will not achieve. *Ulan baychud*. 1941, July 1. P. 1. (In Kalm.)
- Mikhaylov G. I. Folklore of Mongolic Peoples: Topical Issues Revisited. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 235 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mushaev V. N., Khoninov V. N. Functional-semantic field of optative modality (On the basis of modern Kalmyk language). *Buryat State University Bulletin*. 2014. No. 10(3). Pp. 49–53. (In Russ.)
- Ochirov N. Yöräls, kharals, and 'khara kele utulgan' ritual derived from the latter. In: Ochirov N. Selected Works. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 33–36. (In Russ.)
- Okonov B. B. (comp.) Songs of Ancestral Lands. Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 308 p. (In Kalm.)
- Ovalov E. B. Kalmyk Deportation: Some related songs revisited. In: Ochirova N. G., Salaev B. K. et al. (eds.) The Repressed Peoples: Past and Present. Conference proceedings (Elista; November 26–28, 2013). Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. Pp. 246–247. (In Russ.)
- Pyrveeva N. B. (comp.) The Lyre Speaking from Within: Bosya Sangadzhieva, Her Life and Literary Endeavors. Elista: Kalmyk State University, 2008. 288 p. (In Russ.)
- Sagalaev A. M., Oktyabrskaya I. V. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Sign and Ritual. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) A well wish (yöräl) of joy. *Khal'mg ünn*. 1970, October 30. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Congrats on peace. *Khal'mg ünn*. 1969, March 8. P. 2. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Kharal. In: Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) The Truth Never Dies. Collected poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 44–46. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Kharal. In: Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Selected Poems. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Gerl, 2008. Pp. 138–139. (In Kalm. and Russ.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Kharal. *Khal'mg ünn*. 1991, May 29. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Kharal. *Khal'mg ünn*. 1997, February 6. P. 4. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Kharal. *Teegin gerl*. 1991. No. 8. Pp. 31–32. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanjyin B.) Kharal. *Teegin gerl*. 1996. No. 8. Pp. 84–85. (In Kalm.)
- Sangadzhieva N. B. Heroic Epic of Jangar: Poetics Analyzed. Elista: Dzhangar, 2003. 240 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva N. B. The Jangarchi. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 78 p. (In Russ.)

- Sarangov V. T. Kalmyk Folklore. Coursebook. Elista: Kalmyk State University, 2010. 136 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Zoomorphic code in ethnogenetic context: Fox in traditional beliefs of Mongolian peoples. *The Bulletin of Irkutsk State University*. 2016. Vol. 15. Pp. 48–63. (In Russ.)
- Suseev A. Kharal (curse) against the Whites (1926). In: Suseev A. The Offering of Songs. Collected poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 34–36. (In Kalm.)
- Syan-Belgin Kh. Collected Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1959. 136 p. (In Kalm.)
- Tsebikov L. Ts. (comp.) One Hundred Kalmyk Songs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Kalm. and Russ.)
- Vinogradova L. N. Formulas of threats and curses in Slavic spells. In: Sveshnikova T. N., Nevskaya L. G., Toporov V. N. (eds.) *Spell Text: Genesis and Structure*. Moscow: Indrik, 2005. Pp. 425–440. (In Russ.)
- Yusha Zh. M. The Tuvinian magic damnation formulae. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2007. No. 4. Pp. 106–108. (In Russ.)